

0962

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Кейт Ньюит

ПОЦЕЛУЙ
ПОД СМОКОВНИЦЕЙ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кейт Хьюит

Поцелуй под смоковницей

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Хьюит К.

Поцелуй под смоковницей / К. Хьюит — «Центрполиграф»,
2018 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08934-2

Что может быть общего у миллионера и уборщицы? Есть ли у них вообще шансы встретиться? Мейси Добсон рано потеряла родителей и вынуждена была браться за любую работу, чтобы вырастить оставшегося у нее на руках младшего брата. Но жизнь приготовила ей еще один сюрприз, и Мейси оказалась в чужой стране без языка и собственных средств, в полной зависимости от человека, которого едва знает. Обычным нью-йоркским вечером обычная девушка пришла на свою обычную работу – прибираться в офисе. Но там ее ждал очень необычный человек. И ее жизнь полностью изменилась.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08934-2

© Хьюит К., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кейт Хьюит

Поцелуй под смоковницей

The Secret Kept from the Italian

© 2018 by Kate Hewitt

«Поцелуй под смоковницей»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Глава 1

Мейси Добсон выкатила из лифта свою тележку с моющими средствами. На тридцать втором этаже офисного здания было темно и тихо, слышалось только шуршание колесиков тележки по ковру, да огни раскинувшегося внизу Манхэттена, проникавшие сквозь стеклянные стены, бросали вокруг неясные блики. Мейси целых шесть месяцев убиралась здесь по ночам и должна была бы уже привыкнуть к призрачности темных офисов, но ей по-прежнему то и дело становилось не по себе. Она знала, что в здании сейчас находится еще человек пятьдесят охранников и уборщиков, но все они на других этажах, а здесь она была одна, будто в огромном темном аквариуме, зависшем над ночным городом.

Мейси облокотилась на тележку и позволила себе минутку передохнуть. Было два часа ночи, и ее тело ныло от усталости. А завтра в десять ей уже нужно быть на занятиях, на которых она наверняка будет клевать носом. Мейси всегда мечтала заниматься музыкой, но, если бы пять лет назад ей сказали, что ради этого придется по ночам драить офисы, она бы просто не поверила. Но она не жаловалась. Ради такой мечты можно и потрудиться.

В конце длинного темного коридора мелькнул свет. Мейси вздрогнула и настороженно выпрямилась. По коже побежали мурашки, а тонкие золотистые волоски на руках и затылке встали дыбом. «Может, кто-то просто забыл выключить лампу», – попыталась успокоить себя Мейси. Но тогда почему она не увидела это сразу? Да и разве было такое раньше, чтобы кто-то оставлял свет включенным? Здесь все освещение на автоматических таймерах. Когда автобус их клининговой компании приехал сюда в одиннадцать часов вечера, огромная стекляшка была совершенно темной, не считая нижних этажей.

Мейси постаралась взять себя в руки и толкнула тележку, как можно сильнее ею грохоча, – не то для того, чтобы приободриться, не то, чтобы вспугнуть неведомого полночного посетителя.

«Не будь таким ребенком, – уговаривала она себя. – Там никого нет, это просто лампа».

Она остановилась перед офисом, из которого в коридор пробивался свет, и толкнула приоткрытую дверь.

Там был мужчина.

В нем не было ничего угрожающего, и Мейси вроде успокоилась, но по ее коже уже опять бежали мурашки, а сердце замерло.

Это был не просто мужчина, не обычный офисный пузатик, засидевшийся на работе, чтобы заработать лишнюю сотню баксов. Нет, этот человек был... Она не могла ни подобрать ему определения, ни объяснить его присутствие здесь.

Незнакомец сидел, откинувшись на вращающемся стуле, слегка поворачиваясь из стороны в сторону. Его голова была опущена на грудь, так что Мейси не видела его глаз – только пряди темных волос, падавшие ему на лоб, четко очерченные густые брови, и тени, которые длинные ресницы бросали на острые смуглые скулы. Правая рука обессиленно свисала с подлокотника, в длинных тонких пальцах покачивался полупустой бокал виски. Галстук был ослаблен, верхние пуговицы рубашки расстегнуты, так что Мейси был виден кусочек бронзовой кожи его груди. Несмотря на расслабленную позу, от него исходило ощущение силы, которое заставило Мейси застыть на пороге.

Затем он поднял голову. Острый взгляд льдисто-голубых глаз пригвоздил ее к месту.

– Ну, привет, – протянул незнакомец, изогнув губы в улыбке, которая совсем не походила на улыбку. Его голос был тихим и тягучим, и в нем слышался легкий акцент. – Как у вас дела этим дивным, чудным, прекрасным вечером?

– Спасибо, нормально, – ответила Мейси и неуверенно вошла в комнату. Она заметила на столе полупустую бутылку виски. – А как у вас?

– У меня? – переспросил он. – Что ж, это хороший вопрос. Очень хороший вопрос. – Незнакомец взмахнул рукой, янтарные капли виски блеснули в воздухе и упали на скучное серое ковровое покрытие. – Я вроде бы в порядке, потому что с чего бы мне быть не в порядке? Я вроде бы просто обязан быть в порядке!

У Мейси голова кружилась от переутомления, поэтому она присела на край стола и обхватила плечи руками.

– Вот как? Прямо-таки обязаны?

Кто он? Не похоже было, что он работает здесь. Она убирается в этом здании уже шесть месяцев, но ни разу его не видела. Вообще-то Мейси не видела почти никого из здешних сотрудников, кроме пары-тройки трудоголиков, которые изредка засиживались до полуночи, но все же она не могла прогнать ощущение, что этому человеку не место здесь, в рядовом угловом офисе. Для этого он казался чересчур шикарным и слишком харизматичным.

– Обязан что? – запутался мужчина. – А, быть в порядке?! Да я не в порядке должен быть, а в эйфории! У меня же для этого есть все причины! – Его брови взлетели вверх, а уголки рта поползли вниз в едкой усмешке. – Я богатый, влиятельный, на пике своей карьеры и прямо-таки увешан красивыми женщинами. – Он сплел пальцы рук и, закинув их за голову, уставился в потолок. – У меня дом в Милане, дом в Лондоне и еще где-то, кажется, на Крите, и яхта, и частный самолет... – Он выпрямился и с грустной усмешкой посмотрел на Мейси. – Продолжать или хватит?

– Хватит, пожалуй, – ответила Мейси. Она была права: разумеется, ему здесь не место. Он должен сидеть на верхнем этаже с директорами, президентами и прочими шишками, а то и на своем собственном отдельном этаже. Так кто же он? – Но я достаточно давно живу на свете, чтобы убедиться, что деньги еще не причина для эйфории. Хотя с ними, конечно, живется легче.

«Намного легче», – подумала она про себя. Если быть честной – она не могла вспомнить и дня в своей взрослой жизни, когда бы ей не приходилось думать о деньгах. Она все время из кожи вон лезла, чтобы прокормить себя и брата. Правда, теперь Макс живет отдельно, решил, что ему пора стать независимым. И это хорошо. Это очень правильно. Надо просто почаще напоминать себе, как это хорошо и очень правильно.

– Достаточно долго живете на свете? Вы? – Незнакомец уставился на нее с иронией и интересом. – На вид вам... самое место в колледже.

– Мне двадцать четыре, – ответила Мейси. – И я в колледже. А здесь подрабатываю по ночам.

– А что, уже ночь? – Красавец развернулся вместе со стулом, чтобы посмотреть в окно, где на фоне темного неба сверкал Крайслер-билдинг. – Да, точно. Черная, холодная, беспросветная ночь, – заключил он безрадостным голосом.

Было совершенно ясно, что речь шла не о времени суток.

– Да, уже третий час. Что вы делаете тут так поздно? – тихо спросила Мейси. – Напиваетесь в одиночестве?

Он долго не отвечал, мрачно глядя в темноту за окнами. Потом встряхнулся всем телом, как собака после купания, и с широченной улыбкой повернулся к Мейси:

– Почему в одиночестве? Я ведь тут не один! Будем пить вдвоем!

Он со стуком поставил свой бокал на стол, до краев наполнил его и подтолкнул к Мейси, расплескивая виски по пластиковой поверхности.

– Я не могу, – возразила Мейси, отступая на шаг, будто он поднес бокал к ее губам. – Я на работе.

Незнакомец раскрутил свой стул, оглядел комнату и с наигранным удивлением спросил:

– На работе?

– Я прибираюсь здесь. Это – мой последний этаж.

– Значит, вы почти закончили.

Мейси кинула взгляд на бесконечную череду темных офисов, разделенных прозрачными стенами. Да уж, почти... А ведь уже три и завтра ей на занятия.

– Мне еще целый этаж, – устало ответила она. – Так что, простите, я не стану пить. Если позволите, я продолжу уборку.

Он опять сделал полный круг на своем вращающемся стуле.

– А что именно вам надо сделать?

– Я протираю все столы и шкафы, выношу мусор, чищу ковер пылесосом, – перечислила Мейси свои унылые обязанности.

– Так с этим мы вдвоем живо справимся! – вскочил незнакомец. – А потом напьемся!

Мейси в шоке уставилась на смуглого красавца.

– Вы не должны...

– Зато могу и хочу!

Удивительно ловко (с учетом того, что он выпил почти целую бутылку виски) он выхватил из ее тележки флакон с полиролем и салфетку.

– Вперед! Нас ждут великие дела!

Он сгреб бумаги, лежавшие на столе, в одну кучу, распылил на столешницу пенящуюся жидкость и стал орудовать тряпкой.

Мейси беспомощно наблюдала за этой глупой выходкой. Она никогда не сталкивалась ни с чем подобным. Иногда она заставляла здесь того или другого сотрудника, который засиделся в офисе до полуночи, но, как правило, они не обращали на нее внимания, разве что с досадой вздыхали, намекая, как она им мешает. Мейси извинялась и старалась уйти как можно скорее.

Мужчина уже протер компьютерный стол и теперь накинул на низкий столик, стоявший перед диваном для посетителей, потом посмотрел на нее и расхохотался.

– Я начинаю думать, что вы лентяйка!

– Кто вы? – просто спросила Мейси.

– Антонио Росси, – помолчав, так же просто ответил красавец. Он тщательно протер столик, потом взял мусорную корзину и аккуратно высыпал ее содержимое в мешок, прикрепленный к тележке. – А вы?

– Мейси.

– Что ж, приятно познакомиться, Мейси.

Девушка была очень красива. Даже сейчас, когда у нее едва глаза на лоб от изумления не лезли. Антонио и сам был удивлен своей выходкой, но идти на попятный было поздно. И Антонио надраивал стол, украдкой поглядывая на нее. У Мейси (так, кажется, она представилась) были пушистые рыжие кудри, небрежно стянутые резинкой, зеленые глаза и пышная, но аккуратная фигурка, упакованная в фирменный синий комбинезон клининговой компании. Почему бы им не выпить вместе? Сегодня ему надо было отвлечься от тягостных мыслей. А алкоголь был самым надежным способом это сделать. Вторым по надежности был секс.

Конечно, он был не настолько пьян, чтобы охмурять уборщицу в пустом офисе. Но почему бы им просто не выпить? К тому же у нее наверняка есть парень, а может, даже и муж. Антонио вытряхнул мусор из корзины в большой пластиковый мешок и повернулся к Мейси. Вздернутый нос украшала россыпь веснушек, еще у нее были довольно пухлые щеки и удивительно маленький подбородок, что делало ее лицо похожим на сердечко.

– Ну вот, я сэкономил вам немного времени. Теперь давайте выпьем.

– Мне действительно нельзя.

– О нет-нет-нет! Только не это скучное слово! Оно же ужасно скучное, вы не находите? – Антонио взял еще один тамблер¹ со столика для посетителей и щедро плеснул в него виски. – Нельзя позволять слову «нельзя» портить нам жизнь!

– Вы сами себе противоречите, – усмехнулась Мейси.

Антонио вскинул брови, заинтригованный ее замечанием, и снова протянул ей стакан.

– Да, пожалуй... Так не противоречьте мне хоть вы!

Мейси, помедлив, взяла стакан, но не спешила его пригубить.

– И все-таки почему вы здесь?

– Полагаю, ответ зависит от того, что вы имеете в виду под «здесь».

Он сделал глоток виски и выжидательно посмотрел на Мейси.

– Я имею в виду: в этом пустом офисе, поздно ночью, с бутылкой виски.

– Я работал.

Он действительно работал, по крайней мере, до тех пор, пока на него не накатили жуткие воспоминания, как бывало каждый год в этот самый день. И во многие другие дни тоже.

– Вы работаете здесь? – недоверчиво спросила Мейси.

– Не совсем. Меня наняли для выполнения конкретной задачи.

– Что за задача?

Антонио колебался: поглощение было делом решенным, но незачем было давать повод для преждевременных сплетен. Хотя вряд ли уборщица сможет рассказать об этом кому-то из сотрудников.

– Я оцениваю риски, связанные с поглощением, – сказал он. – Стараюсь минимизировать потери и ущерб во время передачи полномочий.

Мейси нахмурилась.

– Эту компанию поглощают?

– Да. У вас что, знакомые среди сотрудников?

– Нет. Только другие уборщики.

– Переживаете, что можете остаться без работы?

– Нет, не боюсь, – покачала головой Мейси. – Кому бы ни принадлежали эти офисы, их все равно надо убирать.

– Давайте выпьем хоть за это! За работу, которая никуда не денется! – Он поднял свой бокал. – Чин-чин!

Мейси медленно отпила глоток виски, поморщившись от резкого вкуса.

– А что такое «чин-чин»?

– Так говорят в Италии, когда выпивают.

– А... – кивнула Мейси. – Так вы оттуда? Я никогда не была в Италии. Там красиво?

– Да. Есть просто волшебные места.

Мейси посмотрела в свой бокал, затем сделала еще один глоток, немного вздрогнув.

– Обжигает.

– Я бы сказал: выжигает, – ответил Антонио и одним глотком допил свой бокал, желая, чтобы виски выжег ему мозги.

Как только он закрывал глаза, он видел мальчишески веселое и беззаботное лицо, хулиганскую улыбку и смеющиеся глаза. Но если он держал глаза закрытыми еще дольше, это лицо начинало меняться – становилось бледным и безжизненным, а на тротуаре под ним растекалась красная лужа.

Вот почему сейчас ему нужно было продолжать пить. Иначе он просто не сможет сегодня сомкнуть глаз.

¹ Тамблер (другое название хайбол) – бокал с толстым дном и прямыми стенками (иногда чуть бочкообразный). Используется для употребления шотландского и ирландского виски в чистом виде или со льдом. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

– Почему вы здесь? – снова спросила Мейси. Она поставила бокал на стол и посмотрела на Антонио серьезными зелеными глазами. – Я не имею в виду работу, я имею в виду, почему вы пьете здесь в одиночестве поздно ночью.

Антонио пожал плечами, собираясь отболтаться неотложными делами, но тут Мейси задала вопрос, который он никак не ожидал услышать. Ей было девятнадцать, когда умерли ее родители, и с тех пор она безошибочно угадывала людей, переживших потерю, почти зримо видела эту темную сосущую пустоту в их душе. И теперь она видела это же в Антонио, поэтому спросила:

– У вас кто-то умер?

Такая прямота ошеломила его. Он никогда не сталкивался с такой неприукрашенной, почти грубой честностью. Это лишило его дара речи.

Он никогда ни с кем не говорил о Паоло. И уж конечно, он не собирался обсуждать главную трагедию своей жизни с незнакомой уборщицей. Он вообще старался не думать о Паоло, но ему не удавалось. Паоло навсегда поселился на границе его сознания, в тайном уголке его души. Преследуя его и обвиняя.

А Мейси смотрела на него серьезными зелеными глазами, полными сочувствия и отраженной боли. Его боли. Антонио больше не хотелось напиваться. Ему хотелось поговорить с этой рыжеволосой уборщицей с серьезными глазами. Рассказать ей всю правду или хотя бы ту часть правды, которую он готов был открыть.

– Мой брат, – тихо сказал он. – Мой младший брат.

Глава 2

– Господи... – еле слышно выдохнула Мейси. – Мне очень жаль.

Антонио неловко пожал мощными плечами:

– Спасибо.

– У меня тоже есть младший брат. Страшно подумать... – Она не могла себе представить, что может потерять Макса. После всех ее утрат потерять еще и его – это было невыносимо. У нее не было никого и ничего в мире, кроме брата, и теперь, когда он окончил университет и захотел жить самостоятельно, она одновременно чувствовала и гордость за него, и одиночество. Она утешала себя тем, что теперь может отдавать все время и силы осуществлению собственных планов, и это действительно было так, но временами ей было очень тоскливо. – Но я могу понять, что вы чувствуете. У меня родители погибли пять лет назад.

– Как это случилось?

– Автокатастрофа.

Его плечи напряглись, и он тихо спросил:

– Пьяный водитель?

– Нет, не пьяный. Просто быстро ехал, выскочил на красный свет на перекрестке и врезался почти лоб в лоб. – Мейси с трудом втянула воздух. Прошло пять лет, но ей было все так же больно. Да, это уже не была жгучая боль свежей раны, но глухая парализующая боль где-то глубоко внутри, певшая тоненьким противным голоском: «Я буду с тобой всегда...» – Они умерли сразу. Повезло.

Антонио горько улыбнулся.

– Да уж, повезло.

– Хоть так, – тихо ответила Мейси. Иногда ей казалось, что это единственное везение в ее жизни. – Как умер ваш брат?

Антонио промолчал, но Мейси инстинктивно чувствовала, что он хочет выговориться, но не знает, насколько может довериться ей.

– То же самое, – ответил он наконец. – Автокатастрофа. – И после паузы: – Так же, как твои родители.

– Мне очень жаль.

Он только коротко кивнул в знак признательности.

– Я знаю, это жуткое ощущение, – продолжала она, – что чья-то секундная неосторожность навсегда лишает тебя тех, кого ты любишь.

– Да, – сказал Антонио ровным голосом. – Невыносимое.

– А как...

– То же самое, – оборвал он ее сухим голосом. – Просто быстро ехал.

Мейси запоздало сообразила, что он может не захотеть вдаваться в такие детали.

– Извините, – выдохнула она и, неожиданно для себя, погладила его по руке.

Рукав его белоснежной рубашки был закатан, и ее пальцы скользнули по теплой и упругой коже. В ту же секунду будто искра проскочила от кончиков ее пальцев в самые интимные глубины ее тела. Мейси от неожиданности чуть не отдернула руку, но почему-то не сделала этого. Просто не смогла. Так они и стояли – посреди унылой серой комнаты, освещенные холодным светом офисных ламп, глядя друг другу в глаза и не решаясь пошевелиться. Мейси хотела только утешить его, по крайней мере, так она думала, но теперь ее с головой накрыло совершенно иным, незнакомым чувством.

– Сколько лет твоему брату? – тихо спросил Антонио.

Этот вопрос словно снял с Мейси чары. Она убрала руку, чувствуя, что уже скучает по теплу его кожи.

– Двадцать два.

– Значит, ему было семнадцать, когда умерли твои родители. И как же ты справлялась? Без родителей?

Мейси с улыбкой пожала плечами:

– Пошла работать.

Ей не хотелось пересказывать ему всю эту жуткую историю – внезапная смерть родителей, ее шок и дальнейшие никому не интересные подробности. До этого они с Максом жили как обычные молодые люди, не особенно задумываясь о семейном бюджете. После смерти родителей внезапно выяснилось, что они не оставили сбережений, а их дом давно заложен. Да, у их семьи всегда были проблемы с деньгами, но Мейси и не представляла себе, какой это кошмар, пока родители не умерли и она не осталась с братом на руках. Вряд ли такой человек, как Антонио, со всеми своими домами и яхтами ее поймет. Так что незачем и говорить.

– Пошла работать, – медленно повторил Антонио, вглядываясь в ее лицо так внимательно, будто пересчитывал веснушки на ее носу. – Тебе пришлось заботиться о брате?

– Да.

Мейси не могла сдержать горечь. После смерти родителей у нее не было никого, кроме Макса. Она все еще не привыкла к тому, что они теперь живут порознь. Она скучала по нему и даже боялась в глубине души, что теперь, когда он больше от нее не зависит, она окажется ему не нужна.

– Как его зовут?

– Макс. Прошлой весной закончил университет, теперь стажуется на Уолл-стрит.

– Уолл-стрит! – присвистнул Антонио. – Кажется, ты хорошо о нем заботилась.

– Я старалась, – ответила Мейси. Но от нахлынувших воспоминаний и страхов в сочетании с усталостью она совсем раскисла и потому решила поменять тему. – А как звали вашего брата?

Антонио нахмурился, и Мейси поняла, что вторглась на запретную территорию.

– Паоло, – ответил Антонио после паузы. – Он был на пять лет младше меня. Сегодня десять лет как он умер.

– Сегодня...

– Потому и пью. – Он снова улыбнулся своей странной улыбкой – уголки рта поползли вниз. – Шестнадцатое января для меня самый тяжелый день в году.

Ей снова захотелось прикоснуться к нему – просто ради поддержки, но она не решалась.

– Я понимаю, – прошептала она. – Врагу не пожелаешь.

Антонио бросил на нее быстрый взгляд.

– Ты хороший человек, Мейси. Добрый. Щедрый. Открытый.

Мейси невольно засмеялась.

– Почему-то это звучит так, будто я прирожденная жертва.

– Все нет. – Он удивленно вскинул брови. – Почему ты так говоришь? Тебе кажется, что ты жертва?

Да, потому что в глубине души ей всегда казалось, что брат не любит ее. Во всяком случае, не так, как она его. Что она и любит его больше, и дает ему больше, чем получает взамен. Но их отношения всегда были такими. Между ними всего два года разницы, но Мейси всегда была для него нянькой, а потом ей пришлось стать ему и матерью, и отцом. Нет, она с удовольствием заботилась о нем, но... временами ее жизнь казалась такой тоскливой, такой безрадостной.

– Может быть, немного, – призналась она, чувствуя себя совсем несчастной, и тут же устыдилась и своих мыслей, и своего уныния. Еще не хватало, чтобы она жаловалась на свою жизнь и на своего брата человеку, который даже близко себе представить не может, что такое забота о куске хлеба. – На самом деле нет...

– Тсс... – Антонио осторожно приложил палец к ее губам, заставив замолчать. – Тебе не нужно извиняться за свои чувства. Я догадываюсь, как нелегко тебе пришлось и как многим ты пожертвовала ради своего брата.

– Откуда вам знать? – с досадой заговорила Мейси, но вся досада улетучилась, когда она обнаружила, что чувствует прикосновение его пальца при каждом движении губ.

Его взгляд был темным и теплым, когда он ответил:

– Потому что это написано у тебя на лице. Потому что ты вся светишься любовью и добротой.

В устах другого человека это прозвучало бы как сентиментальная лесть, но Антонио говорил так нежно и печально, что Мейси едва не расплакалась. Никто никогда раньше так с ней не говорил. Никто ни разу даже не заметил, как она выбивалась из сил, стараясь дать брату достойное образование, и вообще всего того, что она делала для Макса. И как ей приходилось ущемлять себя ради этого.

– Спасибо, – прошептала она, но Антонио крепче прижал палец к ее губам, и Мейси снова почувствовала эту ласку всем телом.

Наверное, это было написано у нее на лице, потому что Антонио улыбнулся.

– Такая светлая, – прошептал он, проводя по ее губам кончиком пальца. – И такая милая.

Мейси была потрясена его прикосновением, ей казалось, что он водит пальцами прямо по ее душе. Она несколько раз пыталась встречаться с парнями, и в беззаботные юношеские годы, и после смерти родителей, но ничего серьезного не было. Поцелуи ни одного из них не вызывали у нее того отклика, какой вызвал Антонио Росси, просто проведя по ее губам кончиком пальца. Ничего подобного она никогда не чувствовала. Полузадушенный голос разума шептал ей, что нужно немедленно прекратить эту ерунду и вернуться к работе. Закончить смену, пойти домой, через несколько часов встать и пойти на занятия, и выбросить из головы эти минуты и не отвлекать себя мечтами о том, чего никогда не будет.

Пальцы Антонио соскользнули с ее губ на подбородок, затем вниз по сливочной шее с нежными поперечными бороздками в ямку над ключицей, где бешено молотился пульс. Здесь пальцы замерли, и Антонио посмотрел на нее тяжелым взглядом из-под полуприкрытых век. Пальцы медленно двинулись дальше, ухватили язычок молнии ее синего комбинезона с логотипом клининговой компании на нагрудном кармане и потянули его вниз, открывая простую белую футболку, которую Мейси носила под форменной одеждой.

Шок и желание накрыли Мейси двойной волной, бокал с виски выскользнул из ее дрожащих пальцев и упал на пол, напиток растекся по ковру, наполнив воздух резким запахом алкоголя.

Она ахнула и растерянно посмотрела вниз.

– Ой, нет...

– Не обращай внимания.

– Я не могу! Это же моя работа!

Она потянулась за жидкостью для чистки ковров, но Антонио поймал ее руку и крепко сжал. Его горячий взгляд и легкая улыбка сказали Мейси, что он не позволит таким пустякам остановить его на пути к желаемому. Но неужели же этот магнетически сексуальный миллиардер желает ее?

Она не понимала его. Она не понимала себя. Она не понимала, как она могла всем телом откликнуться на такое непристойное предложение.

Секс с незнакомцем. Хотя, возможно, Антонио вообще не думал о сексе; возможно, он просто дразнил ее, шутил над ней.

Не в силах шевельнуться, Мейси смотрела, как Антонио нашел флакон с чистящим средством для ковров и щедро распылил его, а потом опустился на колени и стал тереть пятно

щеткой. Потом бросил все обратно в ее тележку, выпрямился и повернулся к ней с жестокой и сексуальной улыбкой.

– Проблема решена. На чем мы остановились? Мейси вспыхнула до корней волос, и Антонио не мог не заметить этого. Так же, как он не мог не заметить дрожи, которой она откликнулась на его прикосновения. Но и сам он откликнулся на них, и не только телом.

Когда Антонио сказал ей, что она светлая и милая, он имел в виду именно это. В тот момент ему казалось, что она самый безыскусный, честный и добрый человек, какого он когда-либо встречал. И это привлекало его в Мейси так же сильно, как и ее тело. Ок, почти так же сильно.

Мейси слегка наклонила голову, ее глаза вспыхнули изумрудами.

– Так на чем же мы остановились? – спросила она дерзко, будто кидая ему вызов и одновременно приглашая.

Антонио улыбнулся.

– Мне кажется... – протянул он, снова проделывая пальцами тот же путь – губы, подбородок, бархатистая шея... – Я остановился где-то здесь.

Мейси закрыла глаза и стиснула зубы, как будто еле выносила его прикосновения. Но Антонио видел, как дрожало ее тело, будто она была натянутой струной, которую он перебирал пальцами.

– Зачем вы это делаете? – прошептала она, не открывая глаз.

– Что «это»? Я пока даже не поцеловал тебя.

Она открыла глаза, полные робости и страсти, и хрипло переспросила:

– Пока?

– Да, пока, – подтвердил Антонио. – Ты же понимаешь, что это все равно произойдет, Мейси. Ты хочешь меня, я хочу тебя. Я очень сильно тебя хочу.

Медленно, чтобы у нее было время отказаться, если она захочет, он привлек Мейси к себе. Их бедра соединились, ее груди коснулись его груди. Ее тело дрожало, а глаза были похожи на две огромные стеклянные чаши, в которых плескалась морская вода. Ему хотелось запустить руки в ее рыжие кудри, впиться в ее пухлый рот, кинуться в нее, как в море, без единой мысли, ведомому одним только желанием.

Но, конечно, он не мог этого сделать. Мейси была слишком искренней и нежной для такого грубого обращения. Так что Антонио приструнил себя.

– Ты очень милая, – повторил он, накручивая на палец огненную прядь ее волос. – Очень, очень милая.

– Вы тоже, – ответила она со смущенным смешком. – Нет, серьезно, вы же наверняка знаете, какой вы красивый.

Антонио рассмеялся, не в силах устоять против такой бесхитростной откровенности.

– Нет, не знаю. Докажи мне это.

– Но... Я не знаю, как.

– Ты могла бы поцеловать меня. Прелестный розовый румянец залил ее лицо.

– Я... не могу.

– Уверен, что можешь.

– Я не знаю, как, – повторила она, зардевшись еще сильнее.

– То есть ты предлагаешь, чтобы я один проделал всю работу? Хочешь, чтобы я соблазнил тебя? – поддразнил ее Антонио.

– Вы не обязаны, – ответила Мейси, отводя взгляд. – И я ничего не предлагаю.

Он тихо рассмеялся, наслаждаясь ее смущением и предвкушая поцелуй ее нежных губ.

– А я предлагаю, – сказал он. – На самом деле нет, я не предлагаю, я требую.

– Требуете?

– Требую: поцелуй меня, Мейси.

Она снова взглянула на него широко распахнутыми глазами. На секунду Антонио подумал, что она обиделась, но она уже смотрела на его губы, будто обдумывая его предложение, нет, его требование.

– Ты смотришь на мой рот, как будто это препятствие, которое тебе предстоит взять, – заметил он с иронией. Их тела едва соприкасались, но Антонио уже чувствовал, что ему трудно сохранять этот легкий насмешливый тон. Внутри его росло желание – неудержимое, мучительное, сводящее его с ума.

– Да, так и есть, – призналась Мейси. – Я не... Я не склонна к авантюрам.

– Но ты же хочешь меня поцеловать.

Это было утверждение, не вопрос. Он видел и чувствовал это в дрожи ее тела, в ее расширенных зрачках, в том, как ее розовый язычок быстро облизнул пересохшие губы.

– Да...

Антонио немного отстранился.

– Ты говоришь как-то неуверенно.

– Все это так непривычно для меня, – ответила Мейси со смущенным смешком. – Я чувствую себя так, будто попала в сказку или свалилась в кроличью нору.

– Тогда наслаждайся моментом, – предложил Антонио.

Он надеялся, что она понимает, что это будет только момент, только одна ночь. Он не хотел портить настроение вечера и обсуждать это с ней, но ведь это и так было очевидно, не правда ли? Длительные отношения не заводят с незнакомцами в пустом офисе в два часа ночи. Да, Мейси кажется неискушенной и бесхитростной, но ведь она же не дура.

– Наслаждайся моментом... – медленно повторила она, смакуя каждое слово, как глоток хорошего вина. – Мне кажется, я никогда раньше этого не делала.

Антонио поднял брови.

– Правда?

– Да, никогда. Точно, никогда.

– Тогда, может быть, сейчас самое время начать?

Мейси невольно улыбнулась. Антонио мысленно поздравил себя с победой: он знал этот взгляд. Она решилась.

– Может быть, – прошептала она и, приподнявшись на цыпочки, прикоснулась к его губам – совсем легко, будто провела по ним перышком, будто прошептала ему какой-то секрет, но не в ухо, а в губы. Антонио не торопил ее, просто позволял себя целовать и ждал, что она будет делать дальше. Но Мейси уже отступила, немного нахмурившись.

– Я что-то делаю не так? Тебе не нравится?

– Конечно, мне нравится, – успокоил ее Антонио. – Но как я могу быть доволен одним глотком, когда я хочу все блюдо? Когда я хочу целый пир? – Он посмотрел на ее губы. Это, безусловно, была самая необычная и интригующая прелюдия, какая у него была. – Поцелуй меня еще, Мейси.

Она так и сделала, но теперь прижавшись к нему всем телом и обвив руками его шею. Это был неумелый и неловкий поцелуй, но этим-то он и был прекрасен. На этот раз Антонио не смог удержаться – он обнял ее за талию, наслаждаясь мягкостью ее тела, и крепко прижал к себе. Он почувствовал, как Мейси вздрогнула, ощутив силу его возбуждения, и остановился, предоставив ей сделать следующий шаг.

Мейси поцеловала его снова, но теперь Антонио почувствовал, как ее язык коснулся его губ, будто застенчивая бабочка. Антонио не мог больше ждать, он проник языком в ее рот, исследуя его нежные глубины. Он собирался действовать медленно, быть осторожным, контролировать себя, но все его благие намерения улетучились в ту секунду, когда Мейси ответила на его поцелуй. Он подхватил ее на руки, понес к дивану и еле сдержался, чтобы не швырнуть ее на кожаные подушки.

Мейси потрясенно посмотрела на него:

– Антонио...

– Ты меня хочешь, Мейси?

– Да...

Но ее голос дрогнул, и Антонио проклял себя за то, что поторопил ее.

– Ты хочешь меня?

Мейси лежала на диване, ее губы были слегка приоткрыты, глаза распахнуты, и в них читалось откровенное желание. Но он, стиснув зубы, ждал ее ответа. Пусть сама скажет.

– Да, – прошептала она наконец, и ее голова упала на подушки. – Да.

Глава 3

Мейси смотрела на его красивое и решительное лицо и чувствовала, что поступает правильно. Она сделает это. Она займется с ним сексом. Мейси не знала, в какой именно момент она приняла это решение. Когда поцеловала его? Когда он сказал ей, что хочет ее? Как только вошла в комнату?

У нее еще никогда не было секса. Сначала она все перебирала парней, а потом ее жизнь перевернулась, и она полностью сосредоточилась на брате – на его потребностях, его нуждах, его мечтах. Свои она отложила на потом. И вот это «потом» настало. Именно поэтому она сейчас лежала на кожаном офисном диване и смотрела снизу вверх на самого красивого мужчину, которого она когда-либо видела, готовая отдаться ему. Потому что она слишком долго жила для других, а теперь она хочет жить для себя. Пусть всего одну ночь она отдаст себе. Своим потребностям. Своим мечтам. Своему удовольствию. И этому мужчине.

Антонио пристально смотрел на нее.

– Ты уверена? – спросил он.

– Да. Да, я уверена.

– Хорошо, – ответил он. – Потому что я тоже уверен.

Он опустился перед ней на колени, положив руки ей на плечи и крепко прижав их к подушкам. Мейси чувствовала себя пригвожденной, как красивая бабочка. В ожидании того, что ее пронзят.

Потом Антонио поцеловал ее, и Мейси сразу перенеслась в какой-то параллельный мир. В первый раз поцелуй действовал на нее так. Она не могла думать. Не могла дышать. Прикосновение его губ было искрой, которая зажгла ее изнутри. И когда поцелуй стал глубже, этот огонь превратился в пожарище.

Антонио оторвался от ее рта и проложил дорожку влажных поцелуев вниз по ее шее, прошелся кончиком языка по острой ключице, обжигая и дразня. Мейси выгнулась и застонала. Антонио довольно улыбнулся, и она почувствовала эту улыбку своей кожей. Его губы двинулись ниже, пока не дошли до края футболки.

– Что это такое на тебе надето? – прошептал он, и Мейси вернулась на землю – смущенная и растерянная.

– Это наша форма. Она ужасная, я знаю...

– Ты завела бы меня, даже если бы на тебе был мусорный пакет, – ответил Антонио, стягивая с ее плеч полурасстегнутый комбинезон. – В особенности если бы кроме пакета на тебе ничего не было.

Он через голову стянул с нее футболку и отшвырнул. Мейси засмеялась от щекотки, но тут же умокла, почувствовав себя непривычно голой.

– Ты даже красивее, чем я думал, – сказал Антонио. – Тебе нечего стыдиться.

Мейси не решилась признаться, что никто никогда не видел ее голой.

Этот Антонио Росси, прекрасный незнакомец, будет первым. Он накрыл ее маленькие округлые груди ладонями, и она ощутила их тепло через тонкий трикотаж. Она, сама не зная зачем, подавила стон, но Антонио все понял.

– Не сдерживайся, – сказал он с улыбкой. – Неужели ты не знаешь, как отклик женщины возбуждает мужчину?

Нет, она этого не знала, она вообще ничего не знала про отклик женщины и возбуждение мужчины.

– Почему ты не раздеваешься? – отважилась спросить Мейси.

– Потому что я хочу, чтобы это сделала ты, – ответил он, приподняв одну бровь.

– О...

Она не ожидала, что такой человек, как Антонио, такой могущественный и властный, захочет отдать ей инициативу.

– Смелее, Мейси, это просто пуговицы.

Да, это были пуговицы, но не просто. Это было самое смелое и сексуальное, что она делала в своей жизни, – медленно, подрагивающими пальцами она начала расстегивать его белоснежную рубашку. При каждом вдохе она чувствовала древесный запах его одеколona, с каждой расстегнутой пуговицей она видела еще кусочек его карамельной кожи.

Антонио не выдержал, взял ее ладонь и положил себе на грудь. Его мускулистое тело было твердым, как камень, и теплым, как свежее испеченный хлеб, а сердце под ее пальцами колотилось так же бешено, как ее собственное.

Антонио притянул ее к себе, ее груди, прикрытые только тонким трикотажем, прижались к его обнаженной груди. Он поцеловал ее, на этот раз жадно и требовательно. И Мейси ответила на это требование – она откинулась на диван, увлекая Антонио за собой, а он целовал ее все жарче, раздвигая коленом ее ноги, и от этого Мейси окончательно потеряла голову.

Но это было только начало.

Антонио скользнул вниз по ее телу и зубами оттянул тонкую ткань ее простенького бюстгальтера. Она задохнулась и выгнула спину, когда он нежно обхватил губами ее сосок. А руки продолжали открывать и исследовать ее тело: расстегнутый комбинезон был снят и полетел вслед за футболкой, за ними нижнее белье, и Мейси сама не поняла, как оказалась совсем голой. И он тоже. Неизвестно когда он успел раздеться, неизвестно когда он успел погасить верхние лампы, но теперь комната была освещена только огнями Манхэттена и светом, проникавшим из коридора, и в этом тусклом свете Антонио был похож на одну из тех бронзовых статуй, на которые она последнее время часто ходила смотреть в Метрополитен-музей².

Мейси дрожала от возбуждения и страха. Как бы ни была опьянена происходящим, она все равно четко понимала, на какой шаг решилась.

Антонио, должно быть, понял ее чувства, потому что еще раз спросил:

– Мейси... Ты уверена? Ты хочешь этого?

Она кивнула.

– Тогда скажи мне это! – потребовал он. – Или мне придется остановиться.

Она глубоко вдохнула и раскинулась на диване, открываясь ему вся.

– Да, – сказала она и протянула ему руку. – Я хочу тебя.

Большого Антонио и не требовал – он накрыл ее своим телом, поцеловал, одновременно разводя ее бедра руками. Когда он вошел в нее, Мейси замерла от странного и непривычного ощущения. Он тоже замер и нахмурился. Мейси не знала, понял ли он, что она девственница? Или он догадался об этом давно по ее неопытности?

Антонио застонал и мощным толчком вошел в нее до конца. Она сумела подавить крик боли, но та была короткой, и Мейси прислушивалась к новым ощущениям внутри своего тела. Так вот он какой, секс! Она всегда думала, что ей больше понравится прелюдия, но эти ощущения совершенно ошеломили ее.

Антонио поднял голову и хмуро посмотрел на нее.

– Мейси...

– Все хорошо, – выдохнула она. – Не останавливайся.

Ей почему-то вдруг стало очень важно, чтобы он не знал, что она девственница – была девственницей, что она решилась отдать свою невинность незнакомцу, которого больше никогда не увидит. Она подняла бедра, стараясь принять его как можно глубже, пытаясь приспособиться к его ритму. Она потеряла чувство времени, места и реальности, они двигались в

² Метрополитен-музей – один из крупнейших художественных музеев мира. Находится в Нью-Йорке.

едином ритме, с каждым толчком будто поднимаясь еще на одну ступеньку лестницы наслаждения, пока не добрались до самой вершины и не рухнули оттуда вниз, в блаженную бездну.

Антонио на секунду прижался лбом ко лбу Мейси. Но только на секунду. А потом откинулся на диван, пытаясь вернуть себе самообладание, полностью сметенное этим странным приключением.

Нет, секс на офисном диване с незнакомой женщиной вовсе не был ему внове. Новой была сама Мейси. С ней все было по-другому. И это его слегка раздражало. Он никогда бы не стал предлагать Мейси выпить, рассказывать ей о брате, не говоря уже про все остальное, если бы знал, что после этого будет чувствовать себя настолько уязвимым. Ему не следовало открывать прочно запертые двери в свое сердце, не следовало даже приотворять их. Но он это сделал и теперь не мог сдержать потоки скорби и печали, хлынувшие на него.

Он перевернулся на бок, притянул Мейси к себе и уткнулся головой в теплый, мягкий изгиб ее шеи. Он все еще пытался сохранить хладнокровие, хотя и знал, что это тщетные попытки, – он утратил его в тот момент, когда проник в ее тело, когда она обвила его ногами, помогая ему войти еще глубже.

Мейси обняла его, гладила по волосам и шептала какие-то нежные слова, будто он был ребенком, которого она баюкала.

Антонио чувствовал себя настолько слабым, что ему даже было стыдно, но он не мог не отдаться этому сладкому, забытому ощущению. Он больше не мог сдерживаться. Просто не мог. И он ненавидел себя за это. Он вцепился в Мейси, словно утопающий за соломинку, и зарылся в нее, словно в подушку, как зарывался в детстве, спасаясь от ночных страхов. Ее шея была мокрой, не то от любовного пота, не то от его слез.

– Ты очень любил его? – тихо спросила Мейси.

– Да, – выдохнул Антонио в ее кожу. – Я любил его. И это я... – Он уже не мог остановиться, правда рвалась из него наружу после стольких лет молчания. – И это из-за меня он умер.

Ее пальцы замерли в гуще его волос, и Антонио затаил дыхание. Ожидая приговора. Осуждения.

– Это ты был за рулем той машины? – тихо спросила она.

Антонио в ужасе отшатнулся от нее.

– Нет! Не в этом дело...

– Тогда это не твоя вина.

У него перехватило дыхание. Если бы только это было так легко. Он принял бы от нее отпущение грехов и ушел отсюда свободным человеком. Но Антонио знал, что виноват, и если бы он сказал Мейси всю правду, то и она бы тоже так решила.

– Ты не должна так говорить.

– А ты не должен говорить, что убил его. – Она подняла руку и погладила его по щеке, потом взяла за подбородок, вынуждая посмотреть на нее. В ее зеленых глазах стояли слезы. – Так вот почему ты был таким потерянным сегодня... – тихо проговорила она, скорее утверждая, чем спрашивая. – Ты считаешь себя виноватым в его смерти, а такую ношу никто не может вынести.

– Ты не знаешь...

– Тогда расскажи мне.

Он покачал головой. Даже сейчас он не мог этого сделать. Особенно сейчас. Тогда она его возненавидит еще и потому, что сама пережила такую же потерю.

Мейси поцеловала его в губы, и он блаженно закрыл глаза, словно на ее губах был эликсир забвения.

– Ты и так пережил большую боль, незачем отягощать ее чувством вины.

– Ты не знаешь, – повторил он. Это было все, что он мог ей сказать.

Мейси снова поцеловала его, потом поцеловала его закрытые веки, а он лежал в ее объятиях, слабый и открытый, словно улитка, лишившаяся своего панциря.

Ее волосы рассыпались у него на груди, а она продолжала целовать его губы, его шею, его грудь, словно пыталась заглушить своими поцелуями боль его сердца. Под ее прикосновениями скорбь и горе стихали, уступая место спасительному желанию. Не тому жадному властному вожделению, которое влекло Антонио к ней час назад, но чему-то более глубокому и нежному, чему-то тревожному и непонятному. И он знал, что не может сопротивляться этому чувству.

Она перекатилась на него, ее волосы как огненное покрывало накрыли их обоих. Антонио положил руки на бедра Мейси, направляя ее. Он знал, что она тоже чувствовала это: не просто желание, но глубокую связь, установившуюся между ними. Этим вечером они дарили друг другу не только тела, но нечто большее.

Она оперлась руками на его плечи и двигалась медленно, принимая и отпуская его. Все было так просто и так правильно. В жизни Антонио было много женщин и много секса, но он никогда не чувствовал ничего подобного. Когда они подошли к кульминации, он взял ее лицо руками и не отрываясь смотрел ей в глаза. Ему казалось, что она переливается в него с каждой волной наслаждения.

Потом она лежала у него на груди, и его бешеное сердце билось прямо у нее под ухом, а он накручивал пряди ее медных волос на свои запястья, словно желая приковать себя к ней. Они молчали. Но в словах и не было нужды – они были бы лишними в этой самой простой и самой естественной форме общения.

Должно быть, он задремал и проснулся от боли в затекшей шее и от какого-то тихого звука, доносившегося из коридора. В комнате было холодно, Мейси все еще спала рядом.

Антонио лежал, перебирая в памяти все события прошлого вечера, но умиротворение и радость, с которыми он уснул, сменились ужасом и стыдом.

О чем он думал? Что он наделал?

Антонио вспомнил, как дрожал в ее объятиях, слова, которые говорил, свою слабость и свою откровенность, и... съезжился от отвращения. Он всю жизнь, особенно последние десять лет, охранял свою душу от всех и каждого – так было проще и безопаснее и для него, и для окружающих. И вот за один вечер Мейси расколола его, как гнилой орех.

Антонио чувствовал себя ужасно, будто она содрала с него кожу, обнажила все его нервы, и теперь каждой клеточкой тела ощущал страшную боль. Он не мог этого вынести и не мог объяснить себе, почему ей это позволил?

Должно быть, всему виной виски – что же еще? Он был пьян, потерял контроль и разболтался, а эта девушка тут совсем ни при чем.

Мейси зашевелилась, и Антонио замер и закрыл глаза, потому что он не мог заставить себя посмотреть ей в лицо.

Из коридора снова послышался все тот же тихий звук, но теперь Антонио его узнал – это был скрип тележки.

– Мейси? – услышал он женский голос.

Мейси вздрогнула и подняла голову.

– Мейси, ты здесь? Ты уже убралась на этом этаже?

– Ой! Нет! Почти!

Мейси поднялась на локте. Она посмотрела на Антонио – даже с закрытыми глазами он кожей чувствовал этот взгляд. Он понимал, что это трусость, но не открыл глаза, ни когда она осторожно слезла с дивана, ни когда быстро собирала свою одежду. Он по-прежнему делал вид, что спит.

– Мейси!

– Я сейчас, подожди! Можешь пока мусор вынести? Спасибо!

Антонио услышал визг застегиваемой молнии. Он немного приоткрыл глаза и увидел, как Мейси, уже полностью одетая, стягивает волосы в узел. Она оглянулась на него, и сквозь полусомкнутые веки Антонио увидел выражение нерешительности и печали на ее лице. Она схватила свою тележку и быстро вышла из комнаты. Дверь с тихим щелчком закрылась.

Антонио вздохнул с облегчением. Так лучше.

Глава 4

Следующие две недели Мейси не могла оправиться от шока. Она не могла поверить, что она это сделала. Это было какое-то безумие, какое-то опьянение. О чем только она думала?

Тем не менее она не могла сдержать нежность, когда вспоминала их ласки. Тогда она чувствовала с ним такую близость, какую и вообразить себе не могла. Она вспоминала, как Антонио плакал у нее на груди... Как она обнимала его... Как он наполнял ее тело...

Даже сейчас, много дней спустя, при воспоминании об этом Мейси почувствовала смесь нежности и тоски.

Временами она даже думала, что, может быть, он попытается разыскать ее? Для такого влиятельного человека это не составило бы труда. Но она тут же принималась ругать себя за такие глупые мысли. Конечно, он не станет ее разыскивать! Это был секс на одну ночь, и она была не настолько наивна, чтобы не понимать этого. И все же. И все же.

Что, если бы она не сбежала? Что, если бы она вернулась к нему той ночью? Может быть, тогда этот секс-на-одну-ночь перерос бы в нечто большее, они бы встретились снова и...

«Но это уже из области сказок и сериалов», – одергивала себя Мейси. Она знала, как на самом деле устроена жизнь. Она сурова, несправедлива и очень коротка. Наверное, в ней есть и счастье, и любовь, но они точно не падают вдруг тебе в руки в пустом офисе в два часа ночи.

Мейси пыталась сосредоточиться на учебе, которая обычно приносила ей удовольствие. И теперь наконец, спустя пять лет, она вернулась к тому, о чем мечтала всю жизнь. Но даже когда она сидела на занятиях, даже когда сопровождала своим друзьям на службе в местной церкви, она чувствовала себя потерянной и опустошенной. Это было неприятное чувство, и Мейси снова ругала себя за наивность и влюбчивость.

Правда, она все-таки не дошла до полного безумия – она не пыталась искать Антонио ни в офисе, ни в Сети. Ей, конечно, хотелось, но она строго-настрого себе это запретила. Потому что это все равно ни к чему бы не привело.

А потом, через три недели после ночного приключения, ее однажды стошнило прямо во время завтрака. Она не придавала этому значения, но на следующее утро ее вырвало снова. И на следующее тоже. Месячные у нее всегда были нерегулярными, но теперь уже бесполезно было отрицать – у нее задержка.

Даже при всей своей неопытности Мейси понимала, что это значит. Удивительно другое – почему эта мысль не пришла ей в голову раньше. Они же не предохранялись. Наверное, она совсем потеряла голову.

И вот после занятий Мейси купила два теста на беременность и помчалась в свою крошечную студию на Морнингсайд – это у черта на куличках, но ничего другого она не могла себе позволить.

Когда она разрывала упаковку, руки у нее так тряслись, что она несколько раз роняла тест на пол. Сердце чуть не выскакивало у нее из груди. Она не может быть беременна. Просто не может.

Но в глубине души она знала правду. Такое с ней уже было – в одну минуту жизнь переворачивается, и все, на что ты рассчитывал и надеялся, рассыпается, как замок из песка.

Тест должен был сработать через три минуты, и она положила его на раковину полосками вниз, чтобы не мучить себя раньше времени. Но у нее было чувство, которое она испытала пять лет назад в полицейском участке, когда ей сказали, что ее родители погибли на месте. Тогда ей тоже казалось, что все вокруг, и она сама, отражается в странном кривом зеркале – искаженное, деформированное, перевернутое. И сейчас она ощущала то же самое. Еще не перевернув тест, она уже знала, что увидит на нем. Знала, что ее жизнь снова переворачивается.

Конечно же, когда три минуты спустя Мейси взглянула на тест, на нем было две полоски. Она не удивилась, только вся сникла, будто на плечи ей легла ужасная тяжесть. Ребенок сорвет все ее планы, а она всего полгода как вернулась в колледж. Но теперь ей, конечно, снова придется уйти и неизвестно, на сколько. И все же Мейси знала, что не сможет отказаться от этого ребенка, как не смогла пять лет назад отказаться от своего брата. Они оба были ее частью.

Но как быть с Антонио?

В конце концов, Мейси решила на то, от чего так долго себя отговаривала – она полезла искать Антонио Росси в Интернете. Она напечатала его имя и чуть не подпрыгнула, потому что поисковик сразу выкинул ей кучу фото и ссылку на Википедию. Она смотрела на острые ярко-голубые глаза и едкую улыбку. Ей казалось, что он смотрит на нее, улыбается ей, как в тот вечер...

Стоп. Сейчас не об этом. Глубоко вздохнув, Мейси прокрутила дюжину ссылок, в смутной надежде отыскать какой-нибудь контакт.

Но ей высказывали все новые и новые фото. Антонио Росси, первый плейбой Милана. Антонио Росси и модель. Антонио Росси и две супермодели. Антонио Росси и знаменитая актриса. На каждой фотографии он выглядел очень независимо, зато женщины висели на нем, как мартышки на баобабе.

Но хуже фотографий были статьи. Мейси аж затошнило, и вовсе не из-за ее положения. «Безжалостный Росси», «человек, который сделал состояние на сносе зданий», «выкупает за бесценок фирмы у людей, попавших в отчаянное положение», «если хотите погубить конкурента, спросите у него, как». Она читала про то, как компании звали Росси, чтобы разорить своих соперников, что он консультировал толстосумов, как поглотить мелкий бизнес с максимальной прибылью и минимальным шумом. Он учил акул бизнеса, как выкачать последние деньги у маленьких людей, вроде нее самой.

Мейси скукожилась над ноутбуком, голова у нее кружилась, во рту пересохло, и, несмотря на то что был уже вечер, ее опять тошнило.

Так вот кому она отдала свою девственность, вот кто был отцом ее ребенка! Самовлюбленный, эгоистичный, безответственный плейбой, который получал удовольствие и прибыль, разрушая жизни людей и лишая их средств к существованию!

Он показался ей совсем другим, когда...

Но то вообще была безумная ночь, отравленная виски, похотью и искренним горем. Она не могла знать, кто такой Антонио Росси. Она и сейчас этого не знает.

После этого Мейси целую неделю ломала голову, как ей быть. Ей хотелось с кем-нибудь посоветоваться, но она не представляла себе, с кем. Максимум о случившемся она говорить не хотела – он только расстроится, и в любом случае вряд ли парень двадцати двух лет, только начавший самостоятельную жизнь, сможет дать ей дельный совет по такому поводу. Ее друзья по колледжу были еще моложе, и она догадывалась, какой совет от них услышит. Но именно этого она категорически не хотела делать – избавляться от ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.